

В. П. Тимошенко

**КОНФРОНТАЦИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО (СОВЕТСКИЙ ОПЫТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ В ОСВОЕНИИ СЕВЕРА)**

УДК 94(2)''19'':339

ББК 65.03(2)6

Вступление России на путь кардинальных преобразований, рост «открытости» ее экономики мировому рынку побуждают к осмыслению исторического опыта международного сотрудничества в освоении обширного региона. Наличие на Севере России разнообразных сырьевых ресурсов, которые по своим запасам и технико-экономическим характеристикам не имеют конкуренции в других регионах мира, позволяет уверенно утверждать, что в обозримом будущем за регионом сохранится сложившаяся в прошлом внешнеторговая специализация, а значит, актуальной становится задача преодоления негативных тенденций в сфере внешнеэкономической деятельности. Накопленный опыт дает возможность оценить с точки зрения региональных интересов эффективность различных видов партнерства, альтернативные варианты связей с внешним рынком, наконец, определить характер воздействия мирохозяйственного обмена на развитие регионального хозяйства. Речь, конечно же, идет не о буквальном воспроизведении исторического опыта. Важно изучить и понять условия внешнеэкономической деятельности, оказывающие стимулирующее и сдерживающее воздействие на процессы интеграции регионального хозяйства в мировой рынок. Такое знание может обеспечить своего рода историческую «экспертизу» современных предложений по преобразованию регионального внешнеэкономического комплекса.

Ключевые слова: *инвестиции, иностранный капитал, внешнеэкономическая деятельность, торгово-экономические отношения, компенсационные соглашения, исторический опыт*

Одна из важнейших проблем реформирования российской экономики — привлечение иностранных инвестиций как источника накопления для модернизации заметно отставшего от мировых стандартов хозяйственного комплекса. России необходим иностранный капитал, который мог бы принести новые технологии и современные методы управления, а также способствовать росту отечественных инвестиций в развитие северного пояса страны. Опыт многих развивающихся стран показывает, что инвестиционный бум в экономике начинается с прихода иностранного капитала. Создание собственных передовых технологий в ряде стран начиналось с освоения технологий, принесенных иностранным капиталом. На волне «рыночного фундаментализма» 1990-х гг. в России возникли надежды на использование именно такой модели развития. Эти надежды были закреплены в документах стратегического планирования. Однако в политике зарубежных партнеров

выявились элементы протекционизма, который инспирируется не только отдельными товаропроизводителями, но и определенными властными кругами, опасющимися возможной конкуренции экономически сильной России и поэтому достаточно откровенно выступающими за применение в отношении нашей страны политики двойного стандарта. Реализуемые ведущими промышленно развитыми странами меры (в том числе административные) по защите внутренней экономики и интересов своих бизнесменов по жесткости значительно превосходят российские. Законодательство этих стран продолжает характеризовать Россию как государство с нерыночной экономикой, что не соответствует результатам общеэкономических преобразований в стране. До сих пор объем иностранных инвестиций в России незначителен, а действия иностранных партнеров больше подходят на изучение ситуации, чем на расширяющееся сотрудничество. Но из-за сложного политического и экономического положения в России (особенно в связи с грузинскими (2008 г.) и украинскими (2014 г.) событиями) перспективы иностранных инвестиций остаются неясными.

*Тимошенко Владимир Петрович — д.и.н., г.н.с. сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: vpt@k66.ru*

Советский опыт взаимодействия с мировым хозяйством также накапливался в неблагоприятной среде, в условиях финансовой блокады, санкций и эмбарго со стороны западных государств. Так же, как и индустриализация 1930-х гг., основанная практически целиком на импорте обрабатывающей промышленности в короткий срок, «генеральная перспектива» 1960–70-х гг. не привела к ожидаемым результатам. На первый взгляд обоснованная стратегия реализации возможностей внешней торговли в освоении богатств огромного региона и использования полученных средств для экономического подъема страны оказалась слабой с точки зрения учета конкретных условий осуществления.¹ Эту слабость, видимо, нельзя свести к просчетам в планировании и реализации планов. Хотя и не в полном объеме и не всегда последовательно, но эти планы выполнялись. Неудачи в налаживании взаимовыгодного сотрудничества с развитыми странами были вызваны двумя группами причин: 1) противоречиями действовавшего хозяйственного механизма, несовпадением общегосударственных, ведомственных и территориальных интересов; 2) спецификой политико-правового обеспечения взаимоотношений с партнерами на мировом рынке. К тому же в значительной мере проявились идеологические и политические факторы развития внешнеэкономической деятельности. «Генеральная перспектива» опиралась на тенденции в развитии межгосударственных отношений, последовательность и долговременность которых была весьма проблематичной.

И все же колоссальные масштабы ресурсных проектов, хотя и не принесли ожидаемых результатов, оказали сильное влияние и на социально-экономическую ситуацию в северных регионах, и на изменение их роли в международном разделении труда. Программы освоения ресурсов обширного региона оказались в центре внимания деловых кругов Запада, вызвали противоречивые отклики и в конечном счете стали приобретать международное звучание. Заинтересованность в расширении и углублении сотрудничества, проявляемая западными партнерами, далеко не всегда материализовалась в конкретных программах. Большинство советских предложений не были поддержаны кредитами и торговыми сделка-

ми даже в странах, остро нуждавшихся в сырьевых ресурсах и продуктах их переработки, производство которых внутри этих стран по разным причинам не покрывало потребностей. Да и реализованные совместные проекты в большинстве случаев не достигли договорных масштабов.

Внешиполитические условия сотрудничества. Гигантские по своим масштабам программы хозяйственного освоения Российского Севера объективно оказывали влияние на систему политических взаимоотношений в мире, так как этот фактор мирового и регионального развития существенно видоизменял интересы ведущих держав, в какой-то степени определял их. Действительно, многие из проектов, катализировавших интересы зарубежных предпринимателей, вызвали неожиданные изменения как в отношениях между СССР и отдельными зарубежными государствами, так и в западном мире вообще. И в то же время совместные проекты с западными партнерами, как осуществленные, так и не вышедшие из стадии проработки, наводят на мысль об обратном, весьма значительном влиянии политических отношений на процессы собственно экономического сотрудничества. Йоганна Роос, изучая комплекс проблем промышленного продвижения в северо-восточный ареал, очень метко обозначила ситуацию освоения как драматическую конфликтность между экономикой и политикой.² Ярко выраженные внешнеторговые аспекты освоения сырьевых богатств России обострили столкновение интересов и борьбу политических ориентаций в деловых кругах Запада.

Как известно, 1950-е гг. ознаменовались резким усилением конфронтации между двумя общественно-политическими блоками. Это непосредственным образом отразилось на торгово-экономических отношениях. Так, после венгерских событий 1956 г. была установлена кредитная блокада, эмбарго на поставку большинства необходимых СССР товаров (списки КОКОМ включали более 2,8 тыс. товарных позиций). Лишь с начала 1960-х гг. устанавливаются долгосрочные контакты с отдельными зарубежными банками и фирмами, заинтересованными в разработках сырьевых ресурсов (компенсационные сделки по поставкам нефти в Западную Европу, «лесные соглашения»

¹ См.: Нетрусов А. Восточным районам СССР — мощную экспортную базу // Внешняя торговля. 1963. № 7. С. 24.

² См.: Roos Yh. Sibirien zwischen Okonomie und Politik. Zur Erschliessung der Energietrager Erdol und Erdgas. Koln, 1984. S. 243.

с Японией и т. д.), а позднее расширяется сотрудничество на международном уровне. На масштабы этих связей оказывали непосредственное влияние изменения господствующих политических представлений в деловых кругах относительно характера и условий торговли с Востоком. Это было обусловлено тем, что Российский Север с его возможной индустриальной перспективой уже с середины 1960-х гг. стал рассматриваться как фактор глобальной политики. Сдвиг производительных сил на Север в процессе его освоения выводил регион на связи с экономически стремительно растущей Японией, динамично развивающейся Юго-Восточной Азией с необозначенными политическими ориентирами и со странами Тихоокеанского бассейна. Соединение экономических и стратегических аспектов освоения северных регионов и вызывало обострение политических разногласий вокруг совместных проектов. Показательно, что жесткое противодействие (через политические рычаги) расширению зарубежного участия в освоении северной части России оказывали США, тогда как позиции западноевропейских стран и Японии чаще подвергались изменениям. Очевидно, это было вызвано стремлением Соединенных Штатов не допустить усиления советского влияния в Азии.

На фоне политической конфронтации 1950-х гг. и ее ослабления в течение 1960–70-х гг. форсированные темпы освоения ресурсов Российского Севера³ выглядели заметным политическим явлением и весомым фактором мировой политики. В обсуждении северных проектов в связи с таким положением заинтересованные стороны не могли не учитывать политическую подоплеку торгово-экономических связей. На уровне правительственных проработок, содержащих колоссальные по масштабам хозяйственные предложения, часто в действие вступали принципы политической экспертизы проектов. Даже реализованные с преодолением политического давления проекты вызывали цепную реакцию экономико-политических проблем и разногласий между партнерами. Расширение экспортных поставок тюменской нефти на принципах компенсации в течение 1960–70-х гг., например, при явной заинтересованности в них западноевропейских партне-

ров, на каждой стадии отношений приносило дополнительные виражи в спорах о поставках труб большого диаметра и компрессорных станций для нефте- и газопроводов. По существу, исход каждого из проектов высвечивался в ракурсе политических взаимоотношений между участниками, причем без обязательного присутствия в этих конфликтах советской стороны.

С углублением в 1960-е гг. сотрудничества с западноевропейскими странами в разработке месторождений энергоносителей в Сибири появился стабилизирующий фактор в отношениях Восток—Запад, даже несмотря на реальные опасения, что Советский Союз использует поставки нефти и газа в целях политического давления. В самом же западном мире компенсационные соглашения по северным программам сыграли роль дестабилизирующего фактора. Геополитическое положение Европы подталкивало ее к посредничеству между великими державами. Возникли разногласия и трения между союзниками. Для стран Западной Европы расширение сотрудничества с СССР по северным проектам означало достижение лучших условий обеспечения сырьем на выгодной обеим сторонам долгосрочной основе, так как позволяло диверсифицировать источники поставок и увеличить мобильность производства. Для зависимых от импорта сырья и энергоносителей стран диверсификация источников поставок — важная мера для устойчивого экономического развития. К тому же для них открывался обширный и емкий рынок сбыта материалов и оборудования. Этим частично объясняется некоторая «строптивость» европейских союзников США в вопросе о поставках труб и компрессорных станций для линии Уренгой—Помары—Ужгород.

Партнерство в освоении Российского Севера оказало сложное воздействие на внутренние проблемы отдельных стран. Чтобы как-то сгладить это воздействие, правительства практически использовали еще один ограничитель расширения и углубления связей с СССР. Речь идет о том, что долгосрочные компенсационные соглашения в редких случаях выходили за пределы добывающих отраслей и создания транспортных коммуникаций. Компенсационные соглашения по созданию производств глубокой переработки с выплатой задолженности по кредиту готовыми изделиями или полуфабрикатами вызывали резкую критику внутри стран, в первую очередь со стороны

³ Под Севером подразумеваются районы Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера (перечень утвержден Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029).

профсоюзов: такие сделки неизбежно приводили к сокращению соответствующих производств в стране и к нарастанию социальной напряженности. Под давлением производителей правительства шли на свертывание связей или уменьшение их масштабов, как в случае со строительством Томского нефтехимического комбината. Для советской же стороны больший интерес представляло целевое кредитование на условиях компенсации не совместных разработок сырьевых месторождений, а создания объектов современной индустрии.⁴

Все это позволяет утверждать, что политика развития торгово-экономических отношений 1960–80-х гг. основывалась на многослойной мотивировке, учитывавшей как возможные экстремальные политические условия (санкции в результате событий в Чехословакии 1968 г.), так и текущие проблемы политического свойства. Но среди участников северных проектов единства действий сложиться не могло, так как политика ограничений не опиралась на единство интересов. Поэтому при формулировании советских предложений по участию в северных проектах оказалось возможным использовать имеющиеся в западном мире расхождения и различные ориентации. С этим было связано лишь сокращение масштабов сотрудничества, а не его прекращение.

Освоение ресурсов северных окраин страны нельзя рассматривать иначе, как составляющую общего развития советского народного хозяйства. И в этом плане особого внимания заслуживает утверждавшаяся в течение 1960–80-х гг. западная ориентация экспортных товаропотоков, тогда как, казалось бы, предпочтительнее было использовать возможности азиатских рынков. Решающую роль в этом сыграла сложившаяся на Дальнем Востоке политическая ситуация. Ее можно обозначить как трехзвенное соотношение СССР — Япония — КНР при активном воздействии внешнеполитической позиции США.

Заключенные и обсуждавшиеся в течение 1960–80-х гг. совместные с Японией проекты могли вывести ее на позицию основного зарубежного партнера в освоении северных регионов. Перспективы виделись широкими, и для этого, казалось бы, были реальные основания. К основным факторам, способствующим развитию торгово-экономических отношений,

относились: географическая близость, величина и емкость российского рынка, динамическое развитие японской экономики, а также подчеркнутое удовлетворение обеих сторон в импорте (Япония нуждалась в сырье, советская сторона — в продукции современной индустрии для технического обеспечения программ освоения).

Фактически же двусторонние отношения в торгово-экономической сфере находились в течение многих лет в крайне сложном состоянии. Япония была явно не готова скупать в больших количествах сибирскую нефть и газ и без должного сочувствия относилась к другим совместным предложениям. В то время как экспорт нефтепродуктов в западноевропейские страны составлял примерно 4/5 вывоза, экспорт в Японию — лишь 1/6.⁵ В 1985 г. объем поставок в Японию сырьевых ресурсов немногим превысил уровень 1974 г., импорт же товаров из Японии в СССР всегда значительно превышал экспорт. Основным признаком советско-японского сотрудничества в освоении Севера являлся большой дефицит торгового баланса. Так, с 1970 по 1985 гг. дефицит достиг общей суммы в 12 млрд руб.⁶

По оценкам западных наблюдателей, причиной нежелания Японии вступать в более тесное сотрудничество служила позиция СССР в вопросе о «северных островах». К причинам относят и более сильное, в сравнении с Западной Европой, влияние США, которое измерялось тем, что Япония следовала в русле политики эмбарго и разного рода торговых ограничений. Соглашаясь с таким определением причин, нужно дать более развернутую картину их действия.

Политическое влияние США на Японию во многом было обусловлено совпадением их интересов. Япония, например, соглашалась со стремлением США покрыть свой дефицит торгового баланса за счет увеличения поставок нефти и газа с Аляски. Поскольку для важнейших отраслей японской промышленности американский рынок представлял больший интерес, чем советский, Япония не стремилась к значительному расширению ввоза энергоносителей из СССР. Поэтому Тюменский проект

⁴ См.: Herleman H. Aussenpolitische Implikationen der Erschliessung Sibiriens // Sibirien: Ein russisches und sowjetisches Entwicklungsproblem. Berlin, 1986. S. 89.

⁵ См.: Ницше У., Шпрингер Р. Современные буржуазные концепции торговли Восток — Запад // Внешняя торговля. 1986. № 10. С. 35–38.

⁶ См.: Александров В. А. Место Сибири и Дальнего Востока в экономических связях СССР и Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1982. № 1. С. 23.

в процессе обсуждений несколько раз корректировался в сторону уменьшения масштабов.

Проблема «северных островов» значительно шире обычных территориальных притязаний: она оказывала тормозящее воздействие на развитие советско-японского сотрудничества в освоении российских окраин, влияя на позицию как Японии, так и СССР, тянула за собой шлейф политических и экономических разногласий.

По оценкам западных экспертов, многие японские экономические проблемы могли быть легко разрешены через более широкое участие в освоении российских сырьевых ресурсов. Между тем под воздействием политических соображений это участие далеко не соответствовало возможному уровню. В 1970 г. оно измерялось 2,2 % японского внешнеторгового оборота, в 1979 г. — 2,1 %, в 1986 г. — 1,9 %.⁷ Японским предпринимателям часто было трудно оценить фактическую доходность предложенных проектов. Сказывалось отсутствие полной информации об открытых месторождениях, гарантий обеспечения интересов, непоследовательность поведения советских партнеров (как это было при обсуждении Тюменского проекта и проекта освоения зоны БАМа). Неуверенность в выгодности советских предложений ставила японских предпринимателей перед проблемой выбора и необходимости риска. И здесь вопрос о «северных островах» оказывался решающим аргументом.

Также партнеры не могли добиться одинакового понимания ценообразования в рамках осуществления проектов: японцев интересовали цены, обеспечивающие прибыль, советскую сторону устраивали цены мирового рынка. Так, не удалось договориться по условиям кредитования: Советский Союз был заинтересован в кредитах на долгосрочной основе, Япония же предпочитала обеспечить оборот средств в течение короткого времени, отказываясь рассматривать партнера в качестве развивающейся страны, а значит и претендующей на удешевление кредитов в порядке экономической помощи. Позиция Японии в вопросе об условиях кредитования была вызвана тем, что в указанный период в стране ощущался недостаток капитальных возможностей, который японцы сами были вынуждены уравнивать дорогостоящими кредитами на Западе.

При обсуждении предложений по участию в северных проектах ощутимой была также неудовлетворенность японской стороны стремлением СССР ограничить сотрудничество техническим содействием и гарантированным кредитованием. Японские предприниматели хотели бы непосредственно участвовать в работах по разведке, освоению и использованию нефтегазовых месторождений. Сложность работ и риски могли бы, по их предложениям, компенсироваться предоставлением права на преимущественные условия. Между тем склонность партнеров к участию в северных проектах в этой форме реализовалась в 1970-х гг. только в сахалинском проекте. Сотрудничество в этом направлении сдерживалось боязнью СССР, что зарубежные партнеры, участвуя в разведке ресурсов, получают информацию, подрывающую безопасность государства. Японцы, хорошо представляя неповоротливую советскую хозяйственную систему, считали, что пока не улучшится информационный поток, широкомасштабное сотрудничество не будет иметь будущего. Долгосрочные же сделки на предлагаемых советской стороной условиях могли обернуться для японских предпринимателей потерями вследствие замедления оборота капиталов, поэтому приглашения к участию в проектах не вызвали широких откликов.

Решение проблемы «северных островов», по мнению многих зарубежных экспертов, сделало бы участие Японии в освоении Сибири более заинтересованным, так как советские концессии из предложений переросли бы в необходимость, в иных же условиях отсутствовала точка опоры для сотрудничества. Западногерманские экономисты Й. Беткенхаген и Х. Маховски считают, что японской стороне следовало бы пойти на уступки в своих островных претензиях, поскольку в ее руках имеется «мощный рычаг для решения этого вопроса иными средствами и ее мощь измеряется быстро растущей экономической и политической ролью».⁸

И действительно, несмотря на интенсивные усилия с обеих сторон, территориальный вопрос заметно сдерживал расширение сотрудничества в рамках советских ресурсных проектов. Япония многое потеряла в этой конфронтации. Во всяком случае, необходимое оборудование, машины и материалы для

⁷ Herleman H. Op. cit. S. 91.

⁸ Bethkenhagen Y., Machowski H. Die Rolle Asiens in der sowjetischen Aussenwirtschaftspolitik. Köln, 1986. № 35. S. 25.

освоения месторождений сырья и энергоносителей поставлялись из Западной Европы, правда с немного бóльшими затратами. К тому же для усиления активности СССР в Западной Европе были основания — большая готовность западных партнеров к закупкам советского сырья, которая поддерживалась значительным превышением СССР в торговом итоге.

Некоторое сдерживающее влияние на японские интересы в освоении северных регионов оказывала Китайская Народная Республика. Для понимания масштабов связей между тремя государствами интересно сопоставление удельного веса СССР и КНР во внешнеторговом обороте Японии. Например, в период осложнения советско-японских отношений в связи с политикой ограничений и эмбарго в 1979 г. (после ввода советских войск в Афганистан) внешнеторговый оборот между Японией и СССР составил 4,1 млрд долларов, тогда как между Японией и Китаем — 6,7 млрд долларов.⁹

КНР рассматривала советскую активность в северо-восточных регионах страны исключительно под военным углом зрения, подвергая все усилия к расширению сотрудничества жесткой критике. Проблема советского военного присутствия на Дальнем Востоке объединила позиции США, Японии и КНР в отношении освоения Севера, что рассматривалось как стремление СССР установить форпост для оказания влияния в Тихоокеанском бассейне. Особенно усилилась напряженность в отношениях между СССР и этими странами с началом строительства БАМа, в котором Японией и КНР усматривались преимущественно стратегические аспекты. «В случае вооруженного конфликта на Дальнем Востоке с Китаем БАМ станет важнейшим фактором в противостоянии, — так передавали китайскую оценку стройки Г. Вернхамм и Р. Фуртмайер. — Из этого... основания вытекает нежелание Японии участвовать в строительстве магистрали, которая дает русским важное преимущество в случае конфронтации на Дальнем Востоке».¹⁰ Китайское руководство считало, что, стремясь вовлечь Японию в освоение ресурсов, СССР надеется согласовать внешнеполитическую ориентацию и с помощью Японии избежать негативно складывающегося для себя соотношения сил в Восточной Азии.

⁹ См.: Herleman H. Op. cit. S. 91.

¹⁰ См.: Bernheim G., Fuhrmeier R. Sowjet-Sibirien und seine Rohstoffreserven // Aussenpolitik. 1977. № 3. S. 319.

Критика «стратегических» аспектов освоения северных регионов резко усилилась после введения советских войск в Афганистан. В новых условиях осторожное отношение западных стран к индустриальному развитию северных окраин СССР обернулось политикой торговых ограничений и эмбарго на поставки технологии и необходимого для реализации программ оборудования.

Весь комплекс политических отношений между государствами, вошедший в историю под названием «холодной войны», таким образом, лимитировал масштабы и характер сотрудничества в освоении ресурсов Российского Севера. В сочетании с внутренними политическими «экспертизами» экономического взаимодействия с внешним миром внешнеполитические условия сотрудничества составили труднопреодолимый барьер. Северные проекты оказались зажатыми между экономическими и политическими мотивациями освоения, что обусловило незначительную результативность их осуществления.

Политико-правовое обеспечение сотрудничества. Модель командной экономики с монополизмом ведомств обладала системой защиты от конкуренции и влияния внешнего рынка в виде централизованного управления внешнеэкономическими связями. Протекционистская политика не ограждала народное хозяйство от усиливающегося вывоза сырых материалов, а, наоборот, стимулировала сырьевой экспорт. И это также оказало сдерживающее влияние на сотрудничество в разработке северных месторождений и в создании перерабатывающих производств.

Медлительность и незаинтересованность ведомств в технологическом обновлении производства стали причиной утверждения практики «догоняющего развития» с ощутимым отставанием от уровня мирового рынка. В этой практике срабатывал в качестве основного принцип добывания валюты любой ценой. В целях охранения директивной экономики сместились приоритеты в освоении ресурсов огромного региона. Форсированный рост экспорта сырья и энергоносителей при отставании отраслей переработки обеспечивал поступление валюты для закупки на мировом рынке оборудования, техники, продовольствия, потребительских товаров, с производством которых внутри страны дела обстояли все более сложно.

Дополняющий характер внешних экономических связей при «закрытости» внутреннего рынка поддерживался узковедомственной трактовкой принципа монополии внешней торговли. С течением времени масштабы «дополнения» увеличивались и с ростом технической зависимости страны от мирового рынка, как ни странно, усиливалась роль протекционистских мероприятий. И уровень, и структура отечественных производительных сил при существующих методах хозяйствования либо мешали установлению связей с Западом, либо вели к наращиванию топливно-сырьевого экспорта.

Противоречивость управления, часто несообразующегося с экономическими реалиями, с разной интенсивностью на разных этапах блокировала стремление регионального хозяйства к более тесному взаимодействию с внешним рынком. Все законодательные акты исходили из приоритетов центральнокоординируемой экономики, а значит, все права в определении стратегических аспектов сотрудничества и в осуществлении конкретных программ сосредоточились в Центре. Для непосредственных производителей (предприятий и объединений) внешнеэкономическая деятельность регламентировалась на двух уровнях — на уровне Минвнешторга и внешнеторговых отраслевых фирм. Установленные ими нормы внешнеэкономической деятельности предприятий не учитывали интересов регионального развития.

Принимаемые решения по развитию внешнеэкономических связей стимулировали преимущественно развитие сырьевого экспорта и шли вразрез с экономической целесообразностью. Во-первых, нефть и другие сырьевые ресурсы поставлялись на разных условиях социалистическим, капиталистическим и развивающимся странам; во-вторых, несовпадение внутрисоюзных и внешнеторговых цен с полным отчислением валютной прибыли на отраслевые нужды выступало тормозом для технологического обновления производства и, следовательно, для расширения экспорта; в-третьих, плата за природные ресурсы для экспортных производств, транспортные тарифы и т. д. толкали предприятия на путь экстенсивного развития и предпочтения участия в мирохозяйственном обмене на рынках сырья и полуфабрикатов (элемент спекулятивного использования внутреннего хозяйственного механизма). Действующие нормативы хозяй-

ственной деятельности внутри страны стимулировали ввоз необходимой продукции из-за рубежа и оплату ее посредством наращивания сырьевого экспорта. Западные наблюдатели сравнивали быстрое продвижение Советского Союза по этому пути с «технологическим самоубийством».¹¹

Обеспеченный импортом прогресс отдельных отраслей производства оказался многократно перекрытым ущербом, нанесенным экономике, подрывом собственных инженерно-технических усилий.¹²

Попытка единовременного ввоза технологии и оборудования для обрабатывающей промышленности в обмен на сырье провалилась. Не проведя широкой модернизации производственной базы отечественной промышленности, рассчитывать на значительное развитие новых форм сотрудничества с Западом не приходилось. Вместо равносильного собственного вклада, предусмотренного стратегией освоения, усиливалась технологическая зависимость, а обширный регион страны выступал в качестве «сырьевого погребца» развитых промышленных стран.

Стремление получать все более значительные кредиты под освоение региона (как это было с проектом БАМ) с целью модернизации экономики и создания мощного экспортного потенциала с перспективой последующего совершенствования производства собственными силами не учитывало печальных уроков недавнего прошлого. А прежний опыт свидетельствовал о неэффективном использовании западных кредитов. И это обуславливалось не столько субъективными недоработками, сколько исторически сложившимся несоответствием отечественных условий хозяйствования тем критериям, на которые ориентирован механизм рыночного кредитования. Речь идет о таких критериях, как наличие развитой производственной инфраструктуры и достаточно высокий уровень смежных производств либо возможность компенсации того и другого импортом, оптимальные сроки выхода на проектную мощность и т. д. Чтобы преодолеть указанное несоответствие, с учетом диапазона отставания обрабатывающих отраслей, был расширен импорт, далеко не всегда сообразующийся с экономической целесообразностью.

¹¹ Ibid.

¹² См.: География производительных сил СССР и международное экономическое сотрудничество. М., 1976. С. 171.

В процессе реализации компенсационных соглашений выявилась еще одна трудность взаимоотношений партнеров. Оказалось невозможным гарантировать успешный сбыт на Западе продукции созданных на кредитной основе производств и, следовательно, обеспечить условия для погашения кредитов. Любой сбой в компенсации кредитов (ухудшение конъюнктуры рынка и т. д.) вынуждал расширять поставки невозобновляемых природных ресурсов — единственного экспортного резерва страны. А поскольку к моменту погашения кредита его сумма фактически удваивалась за счет процентов, необходимость наращивания топливно-энергетического экспорта принимала катастрофические размеры. Особенно болезненно отразилось на состоянии советского народного хозяйства устойчивое снижение цен на сырье и энергоносители, начавшееся с 1980 г.

Крупномасштабный импорт западной технологии в счет кредитов под освоение ресурсов и в счет «нефтедолларов» деформировал внутренние механизмы научно-технического прогресса, но не решил проблем технологического обновления производства,¹³ поскольку любой технологический импорт с Запада — это всегда отставание от самого передового уровня минимум на 2–3 года. Получив разовую, пусть и растянутую во времени, «инъекцию» не самой современной техники, советская экономика в итоге оказалась «у разбитого корыта», располагая быстро устаревающей промышленной базой и ослабшим научно-техническим потенциалом.

Ориентация на преимущественное использование кредитов привела к закреплению за северными регионами страны роли поставщика сырья. В этом заключалась стратегическая ошибка в выборе вариантов взаимодействия с внешним рынком, вытекающая из игнорирования опыта истории. В рамках нэпа, например, целью привлечения иностранного капитала в форме концессий было ускорение развития производительных сил страны на базе самой передовой техники, насаждение крупного производства, овладение искусством его организации. Поэтому концессионная политика предполагала привлечение иностранного капитала не в ссудной форме, а преимущественно в форме товарного и производственного капитала и дала хоть

и ограниченный, но положительный эффект. Углубление технологической и кредитной зависимости от мирового рынка в 1960–80-е гг. толкало государство на частные «идеологические» экспертизы сотрудничества.¹⁴ С увеличением валютных поступлений нарастал импорт с целью покрытия внутреннего дефицита оборудования, машин, потребительских товаров и т. д., и в то же время государство ограничивало развитие процессов интеграции с мировым рынком, используя рычаги монополии внешней торговли, осуществляло связи в простых формах, ограничивающих непосредственное взаимодействие систем регионального хозяйства с зарубежными партнерами. На внешнем рынке это оказывало сдерживающее воздействие. В частности, внешнеторговые объединения при осуществлении сделок с иностранными фирмами навязывали им практику «увязки» экспорта и импорта по показателям. Заинтересованные в поставках определенных видов товаров, зарубежные партнеры вынуждены были соглашаться на закупку товаров в «нагрузку». И этот процесс «увязки», конечно же, очень осложнял взаимоотношения и проходил в обстановке волокиты, обычной для советской системы управления внешней торговлей. Председатель правления Банка Токио С. Хорие еще на первом советско-японском экономическом совещании отмечал эту особенность советской внешнеторговой практики.¹⁵

Сотрудничество с западными партнерами в освоении ресурсов северных регионов России не достигало стратегических целей и в связи с отсутствием управления внешнеэкономической деятельностью страны как единым процессом.¹⁶ Эта сфера хозяйствования была разнесена по отраслям в соответствии с минутными народнохозяйственными потребностями. И этим отчасти и было вызвано привлечение иностранного капитала в ссудной форме, с тем чтобы использовать кредиты на нужды народного хозяйства и лишь частично — на нужды освоения региона.

* * *

Опыт истории свидетельствует о том, что ориентация только на достижение экономи-

¹³ См.: Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Постсоветское пространство России // Мир России. 1996. № 2. С. 31.

¹⁴ См.: Региональные проблемы экономической интеграции СССР в системе стран СЭВ. М., 1975. С. 179.

¹⁵ См.: Материалы первого советско-японского экономического совещания. М., 1966. С. 55.

¹⁶ См.: Прохоров Г. Проблемы включения СССР в мировое хозяйство // Вопр. экономики. 1991. № 2. С. 112.

ческого эффекта без учета изменения условий сотрудничества явно ошибочна. Освоение северных регионов России, оказавшись в тисках между политикой и экономикой, не принесло ожидаемых результатов как раз в силу недооценки влияния неэкономических факторов партнерства с зарубежными фирмами.

В 1960–80-е гг. структура внешнеэкономических операций становилась все более неблагоприятной под воздействием сложного переплетения внутривладельческих и внешнеэкономических условий. Политические же барьеры имели действие эффективных ограничителей сотрудничества.

Не оправдали себя в силу этого колоссальные затраты на освоение северных районов страны: внешнеэкономические аспекты крупных программ (освоения ресурсов Обского Севера, Якутии, зоны БАМ и др.) не вышли за

рамки форсированной разработки месторождений ископаемых.

Главной стратегической целью развития регионов Российского Севера остается равноправная интеграция в систему международных экономических отношений, с тем чтобы использовать в интересах страны преимущества международного разделения труда. Современная модель взаимодействия с мировым рынком не соответствует ни потенциальным возможностям региона, ни его долгосрочным экономическим интересам. Деформации и трудности не могут быть преодолены в одночасье и в силу хозяйственно-политической инерции, и в силу сохранившихся стереотипов участия в мировом разделении труда. Поэтому так важно в поисках новых, отвечающих современным требованиям форм внешнеэкономического взаимодействия учитывать уроки истории.

Vladimir P. Timoshenko

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: vpt@k66.ru

CONFRONTATION AND COOPERATION (SOVIET EXPERIENCE OF INTERNATIONAL RELATIONS IN NORTHERN DEVELOPMENT)

Following the period of dramatic transformations the growing “openness” of the Russian economy to the global markets requires rethinking of historical background of international cooperation in the development of this vast region. Availability of rich mineral resources in the North of Russia the size and quality of which by far exceeds similar reserves in other countries gives strong reasons to believe that in the foreseeable future the region will maintain its resource export specialization. This also confirms the importance of the task of overcoming negative trends in foreign trade operations. Past experience makes it possible to assess the efficiency of various types of cooperation from the regional point of view, estimate the alternative patterns of foreign trade relations, and, finally, determine the nature of the effect of global economic cooperation on the regional economic development. The author does not mean any literal reproduction of historical patterns. It is important to study and understand the foreign trade conditions stimulating or restraining the processes of integration of the regional economy into the global markets. This knowledge may provide a kind of historical “expertise” of contemporary solutions for the transformation of the regional foreign trade policy.

Key words: *investment, foreign capital, foreign economic activity, trade and economic relations, compensation agreements, historical experience*

REFERENCES

- Aleksandrov V. A. *Problemy Dalnego Vostoka* (Far Eastern Affairs), 1982, № 1, pp. 22–34. (in Russ.).
- Bernheim G., Fuhrmeier R. *Aussenpolitik* (Foreign Policy), 1977, № 3, pp. 312–339. (in Germany).
- Bethkenhagen Y., Machowski H. *Die Rolle Asiens in der sowjetischen Aussenwirtschaftspolitik* [The role of Asia in the Soviet foreign economic policy]. Koln, 1986, 499 p. (in Germany).
- Geografiya proizvoditelnykh sil SSSR i mezhdunarodnoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo* [Geography of the productive forces of the USSR and international economic cooperation]. Moscow: Mysl Publ., 1976, 182 p. (in Russ.).

-
- Herleman H.** *Sibirien: Ein russisches und sowjetisches Entwicklungsproblem* [Siberia: A Russian and Soviet development problem]. Berlin: Berlin-Verlag Spitz, 1986, pp. 89–96. (in Germany).
- Materialy pervogo sovetsko-yaponskogo ekonomicheskogo soveshchaniya** [Materials of the first Soviet-Japanese economic conference]. Moscow, 1966, 127 p. (in Russ.).
- Nefedova T. G., Treyvish A. I.** *Mir Rossii* (Universe of Russia), 1996, № 2, pp. 3–42. (in Russ.).
- Netrusov A.** *Vneshnyaya trgovlya* (Foreign Trade), 1963, № 7, pp. 23–28. (in Russ.).
- Nitshe U., Shpringer R.** *Vneshnyaya trgovlya* (Foreign Trade), 1986, № 10, pp. 35–38. (in Russ.).
- Prokhorov G.** *Voprosy ekonomiki* (Journal of Economic Issues), 1991, № 2, pp. 106–113. (in Russ.).
- Regionalnye problemy ekonomicheskoy integratsii SSSR v sisteme stran SEV** [Regional problems of economic integration in the system of the USSR CMEA]. Moscow: Nauka Publ., 1975, 271 p. (in Russ.).
- Roos Yh.** *Sibirien zwieschen Okonomie und Politik. Zur Erschliessung der Energietrager Erdol und Erdgas* [Siberia zwieschen Okonomie and politics. At the opening up of the energy exchanger petroleum and natural gas]. Koln: Verlag Wissenschaft und Politi, 1984, 246 p. (in Germany).